

УДК 821.511.132(09)(470.11–25)

ЛИМЕРОВА Валентина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Автор 116 научных публикаций, в т. ч. 12 учебных и учебно-методических изданий

АРХАНГЕЛЬСК В СОЧИНЕНИЯХ М.Ф. ИСТОМИНА*

В статье рассматривается проблема подключения региональной словесности к художественному освоению Севера, осознанию «своего места» и, в частности, Архангельска на геопозэтической карте России. Идентичность Архангельска в рассмотренных текстах достигается путем переноса на его образ главных мифологем петербургского панегирика.

Ключевые слова: история региональной литературы, Архангельск, геопозэтика, городской текст, мифопродуктивность места, образ-прототип.

Одной из первоначальных литературных форм самоописания северных окраин России в XIX веке являются сочинения о городах. Несмотря на немногочисленность городов на Севере, распространенность «городского текста» в региональной словесности объясняется спецификой самого объекта описания: город как культурно-географическая единица, собирающая в один комплекс разные свойства пространства, природный и архитектурный ландшафт, социо-культурные особенности обитания его насельников, обладает наибольшим ресурсом семиотизации, переносит физические свойства местности в метафизический план.

К решению темы северной окраины России в образе города одним из первых приступил Ми-

хаил Федорович Истомин (1821–1862). Уроженец коми села Ижма, он получил образование в Архангельской духовной семинарии, затем служил на разных должностях в духовной консистории и губернском правлении, руководил архивом Архангельского порта. В свое время он был хорошо знаком читателю по его многочисленным прозаическим и стихотворным выступлениям в «Архангельских губернских ведомостях». С начала литературной деятельности М. Истомина до его кончины, а затем и посмертно «Ведомости» напечатали более двадцати его произведений, среди которых заметное место занимают очерки и беллетризованные статьи: «Ижма» (1844), «Яг Морт. Чудское предание» (1848), «Архангельский театр» (1850), «Поезд-

---

* Работа выполнена в рамках интеграционного фундаментального исследования, осуществляемого в организациях УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX вв.»

© Лимерова В.А., 2012

ка в Соловецкий монастырь» (1854), «Первые известия англичан об Архангельском крае» (1861) и др.

Впервые тема Архангельска прозвучала в творчестве Истомина в его стихотворении «Судьбы Архангельска» (1847)¹. Обращает на себя внимание множественное число слова «судьба» в названии: история города распадается в воображении поэта на два временных периода – до и после его основания, прежде и ныне. Вначале поэт рисует безжизненную пустыню, дикое пространство, не тронутое деятельностью человека. Реальные топографические детали сопровождаются оценочной лексикой, создающей впечатление нежилого места:

*Была на севере холодном
Безмолвно-дикая страна,
Кругом болотистая степь
В волнах тумана утопала.
Лишь по местам пригорков цепь
Глухую тундру пресекала,
Или звучал холодный вал
Как гимн предсмертный напевая,
Иль вихорь по полю бежал,
Крутясь и грозно завывая.*

Нельзя не заметить, что доисторическое время «хладной страны» у Истомина весьма напоминает многочисленные описания устья Невы и места, на котором воздвигнут Петербург. Ко времени создания истоминского стихотворения отечественной литературой и, главным образом, панегирической поэзией XVIII века, были выработаны устойчивые признаки образа допетербургского ландшафта, восходящие к мифологическим представлениям о хаосе – состоянии, в котором отсутствуют форма, свет и порядок. Особо акцентированными деталями дикого неясного пейзажа в русской поэзии предстают лес, оборачивающийся «суровой дебряю», безграничное царство воды – мутной, грязной, бушующей, болото – зыбкая, непрочная поверхность вместо земной тверди, холод, а также отсутствие человеческой жизни – «пустота», «пустыня», «пустыннось». Этот набор хтонических элементов практически полностью повторен Истоминым в изображении болотистых,

утопающих в тумане, оглашаемых лишь воем диких зверей берегов Двины:

*Везде безжизненность видна,
Везде пустыня лишь одна,
И в ней не слышался от века
Приятный голос человека...*

В «Судьбах Архангельска» просматривается еще один хорошо известный петербургский мотив. Поскольку природная стихия подается как первобытный хаос, ее покорение и упорядочение принимают значение космогонической деятельности, а основатель города приобретает статус демиурга. Подобно городу на Неве, Архангельск возводится Петром из мрака, воды, безжизненной пустоты. Следуя правде истории, Истомин напоминает читателю, что вид «хладной страны» первоначально был изменен «отважным сыном Альбиона», имея в виду английского мореплавателя Роберта Ченслора, посетившего северодвинские места в 1553 году, однако демиургические свойства приписываются Истоминым исключительно Петру. Это он за одно мгновение, как по волшебству, место «топей и болот» превращает в город:

*Как будто неким волшебством
Богатый город, многолюдный,
Восстал из топей и болот –
Воздвиг его Великий Петр.
И волей крепкой, волей мощной
Красу ему и силы дал.
И царским словом завещал
Святой Руси оплот полнощный.*

Образ Архангельска у Истомина полностью повторяет схему петербургской космогонии. Дело в том, что противопоставление города предшествовавшей пустоте характерно почти каждому мифу об основании города², но в случае с Петербургом величие города достигается не постепенным преодолением пустоты-пустыни. Петербург возникает на месте «полуночных блат» за один миг: «И вдруг из сей Хаоса бездны / Сделался новейший свет!» (Селявин), «Стихиям всем наперекор, / И силой творческой, в мгновенье / Болотный кряж окаменел, / Воздвигся град...» (Романовский). Образ творения Архангельска, в точности совпадающий

с основным мифом возникновения Петербурга, как бы уравнивает два города – тот и другой являются «Петра твореньем».

*Там иноземных кораблей
Летят крылатые станции
Из-за пятнадцати морей
С дарами роскоши стран дальних;
Народом пристани кипят,
И гордых зданий стройный ряд
Глядится в лоно вод кристальных...*

В этом описании архангельского ландшафта легко угадывается крылатое начало пушкинской «петербургской повести», благодаря чему усиливается отождествление Архангельска с Петербургом как второго в России города, которому суждено «ногою твердой стать при море». «...Признание Петербурга единственным настоящим (т. е. цивилизованным, культурным, европейским, образцовым, даже идеальным) городом в России»³ переносится Истоминим на Архангельск, подобно Петербургу, окраинный, приморский и подобно ему же – «цивилизованный», «культурный», «европейский».

Описанный принцип амплификационного оформления образа Архангельска характерен и для прозаических описаний города, не раз предпринимавшихся Истоминим. Самым ярким из них являются «Очерки Архангельска и его окрестностей» (1849)⁴, состоящие из двух писем неназванному адресату. В отличие от стихотворного текста, в композиции которого равноправное положение занимают прошлое и настоящее города, ретроспективный план в «Очерках...» полностью отсутствует, словно Архангельск не имеет истории, что вновь обнаруживает его переключку с Петербургом. Размышляя о причинах повышенной мифогенности Петербурга, Ю.М. Лотман замечает, что «город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов... Архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического

прошлого. Город – механизм постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно»⁵. Петербург, искусственно построенный на пустом месте, «лишен и этих семиотических резервов», – объясняет ученый. – «Отсутствие истории вызвало бурный рост мифологии. Миф восполнял семиотическую пустоту, и ситуация искусственного города оказывалась исключительно мифогенной»⁶. Аналогично мифопродуктивен Архангельск, который вырастает не естественным путем на месте поселения, а «как будто неким волшебством» в устье Двины, в безлюдной болотистой степи.

В «Очерках...» история Архангельска не только не занимает автора-рассказчика, но представляется ему препятствием для объективного восприятия и ясного понимания особенности города. Обращаясь к некоему лицу, который был вывезен «отсюда в таком возрасте, когда человек еще не может понимать самого себя, тем менее – судить о предметах, его окружающих»⁷, рассказчик в самом начале первого письма уклоняется от воспоминаний о прошлом, которое «должно быть сбивчиво и неясно, как тусклые образы сна минувшего», и полностью переключается на вещественное настоящее, поддающееся рациональному учету. Чтобы рассеять детские «фантастические» впечатления, подобные тому, как «с открытого моря представляется нам берег земли отдаленной», письма строятся в форме заочной экскурсии «по твердой суше». Визуальный обзор примечательных мест и их описание словом производятся синхронно, без всякого временного зазора между наблюдением и рассказом о наблюдаемом. Применяя такую повествовательную технику, автор намеренно лишает свой рассказ возможности ретроспективной точки зрения. Взгляд и сознание рассказчика контактируют исключительно с современностью, материально воплощенной в природном и архитектурном ансамбле города, словно бы место не оставляет места времени. В результате образ Архангельска вырастает в его идеальном, мало подверженном коррозии состоянии, словно вид, увековеченный художником на полотне. Поскольку

история и время не привлекаются рассказчиком в качестве начала, конструирующего художественный мир, эту функцию выполняют приемы, заимствованные из пространственных, изобразительных видов искусства: предместья Архангельска в изображении Истомина напоминают живописный рисунок, образ самого города исполнен в технике плоскостной декорации.

«Пригород» – это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород – при городе, но он и при природе»⁸, – пишет Д.С. Лихачев. Именно такой образ архангелогородских предместий, облитых густой зеленью, из которой кое-где выглядывают колокольни строгих и величественных северных храмов, создает М.Ф. Истомин. Обращает на себя внимание праздничность изображенного мира, яркость цветов и ясность световоздушного пространства: «... палатки, раскинутые на лугу, около них пестрые толпы народа и отдельные группы горожан, приютившиеся под тень развесистых ив, чудесно оживляют картину»; «По зеленому лугу, ровному и гладкому ходили взад и вперед нарядные толпы гуляющих; между ними, по местам, пестрелись группы мужчин и женщин, стариков и молодых, которые беззаботно сидели на траве». Все описания сделаны при ясной погоде и в летнее время, поэтому создается ощущение комфортных климатических условий, привлекательного географического местоположения Архангельска. Здесь легко угадываются элементы панегирической петербургской топики, в которых российская столица предстает как место, где север теряет свойства севера⁹.

Еще одна важная особенность пространственной организации «Очерков...», имеющая целью актуализировать в тексте петербургскую тему – это последовательная смена направлений обзора. Вначале авторский объектив направлен от города на предместья, затем автор предлагает описание городского ландшафта с заречной стороны. Чем ближе к городу, тем более организованный характер принимает пространство. Переход не города в город в описании наблюдателя происходит без резких сопоставлений,

постепенно, посредством своеобразной пограничной полосы, напоминающей парковую зону: «Есть место, куда здешняя публика охотно приезжает повеселиться – это остров Мосеев, ознаменованный пребыванием Петра Великого! Густая роща, перерезанная во всех направлениях тенистыми аллеями, красивый павильон, стоящий в середине рощи, доставляют посетителям двойное удовольствие: приятную прогулку и отдых. Мосеев остров издали представляется искусственным, правильно расположенным парком, потому что деревья на нем как бы подстрижены под один уровень». Как видим, регулярность ландшафта обеспечена никем иным, как Петром I, но мотив космогонии нового, урбанизированного пространства здесь присутствует лишь в снятом, ассоциативном виде. Мир уже создан, и в нем поддерживается тот порядок, который был заложен основателем города. Кажется, что воля Петра распространяется не только на рукотворную часть островного пространства, приспособленного к приятным прогулкам и отдыху горожан, но и сама природа послушна его замыслу.

Панорама центральной части Архангельска, рассматриваемая рассказчиком с заречной стороны, – «если не величественная, по крайней мере <...> стройная в своих частях» – также во многом повторяет образ пространства, упорядоченного волей Петра и воспетого петербургским панегириком. Опираясь на цитировавшуюся выше работу Р. Николози, назовем характерные черты петербургской панегирической топики. В первую очередь, это всеохватывающий и потому абстрагирующий взгляд на город с реки: городское пространство вытягивается в линию вдоль берега, утрачивая трехмерность, и лишает зрителя возможности разглядеть его изнутри. Петербург превращается в сплошную, отражающийся в водах Невы фасад, непрерывную линию зданий и дворцов, олицетворяющих своих владельцев. Отсутствие промежутков между строениями символизирует победу Петра над первобытным хаосом и пустотой. В панегирическом восприятии города немаловажную роль играет

Нева, она является и частью городской топики (маршрутом процессий), и персонифицированной участницей торжеств (М.В. Ломоносов: «В стенах Петровых протекает / Полна веселья там Нева / Венцем, порфирию блистает, / Покрыта лаврами она...»); спокойные или бушующие волны Невы акцентируют ее чувства, тождественные человеческим, метонимически выражают эмоциональное содержание образа города, расположенного на ее берегах¹⁰. В «Очерках Архангельска и его окрестностей», подобно панегирическому Петербургу, центральная часть Архангельска рассматривается исключительно извне. Если пространство пригородов видится трехмерным (в нем можно передвигаться, можно совершать прогулки), парадная часть города со стороны Двины имеет плоскостное изображение: каменные здания выдвинуты на набережную реки, их сплошной ряд «совершенно скрывает остальную, не совсем привлекательную часть города». Живописная глубина, левая перспектива заменяются расположением пространственных объектов на прямой. Поскольку город при этом «теряет» свое нутро, глубину, и «прогулка» по нему становится невозможной, «на рисунке» отсутствуют человеческие фигуры. Городские реалии сводятся к группе значимых служебных строений: «Вот на высоком угоре в одном конце города белеет Кузнеческая церковь, а в другом высятся куполы Архангельского монастыря: оба эти здания как столпы, поставленные на двух крайних рубежах Архангельска, прекрасно обрамливают картину. Все обширное пространство между ними наполнено строениями, более или менее замечательными, в центре которых стройно рисуется Кафедральный Собор, полуосвещенный лучами заходящего солнца. По левую сторону тянется стена, и встают угрюмые башни Таможенного Замка. Видите, как на средней из этих башен, над биржею, развевается русский коммерческий флаг; как он прихотливо рисуется на темном фоне отдаленного горизонта! Левее дремлют потемневшие от времени развалины Немецкого Гостиного двора; не вдали от них возвышается башня

Евангелическо-Лютеранской церкви, далее, по прямой линии, вы отличаете белые стены и стрельчатую колокольню Боровской церкви, и, наконец, огромный сахарный завод г.г. Брандтов с высокою колоннадою – одно из лучших зданий Архангельска. По правую сторону Собора тянется сплошной ряд каменных зданий на большое пространство, почти до самого Монастыря». В отличие от видов заречья, островов и селений, которые находятся «напротив города», городская территория не принимает форму реалистического живописного пейзажа. Кажется, что текст содержит изобразительные детали, которые способны оживить картину, придать ей просторность, однако пространственная глубина иллюзорна: среди приемов, усиливающих визуальный образ города, нет ни одного, связанного с рельефностью объектов созерцания. Вместо смены изобразительных перспектив автор привлекает внимание вертикальным составляющим вытянутой набережной линии: «на высоком угоре», «высятся куполы», «здания, как столпы, поставленные», «возвышается башня» и др. Есть и заметная горизонтальная линия – ряд не названных и, следовательно, не представляющих для рассказчика интереса каменных зданий, которые тянутся «почти до самого Монастыря». Она придает классическое равновесие и устойчивость композиции, но архитектурные отдельности – вертикальны. В этом Архангельск повторяет ключевое свойство петербургских зданий, «спокойно возносящихся к небесам»¹¹. Таким образом в описании Истомина правом на зрительское внимание располагают лишь те здания, которые семантизируют Архангельск в качестве города, повторившего архитектурную идею Петербурга, – места, в котором горизонталь доурбанистического хаоса побеждена вертикалью рукотворных строений.

Высотные ориентиры Архангельска разнонациональны. Исконно русские строения храмов и церквей, расположенные по краям и в центре набережной, заключают между собой архитектурные сооружения, имеющие чужеземные очертания и придающие Архангельску

сходство с западноевропейским городом. Сочетание русских и европейских градостроительных традиций и в то же время их неслиянность, автономное сосуществование в пределах единого пространства – еще одно общее с российской столицей свойство Архангельска, которое оказалось замеченным Истоминым. «Не знаю, в шутку, или сурьезно англичане говорят, что со стороны реки Архангельск довольно похож на Ливерпуль», – замечает рассказчик, приписывая впечатление о «внешности» Архангельска лицам, обладающим достоверным знанием обоих городов. Вне сомнения, что уподобление портовых Архангельска и Ливерпуля Истоминым имеет объективное географическое и историческое основание. Вместе с тем данный прием еще раз возвращает читателя к геопоэтическому образу российской столицы, запроектованной в «роли русского Амстердама»¹², тем самым удваивая устремленность Архангельска на западную сторону света.

«Заграничный» вид Архангельска дополняется его пограничным местоположением. Построенный в устье Двины, он представляется Истомину обращенным лицом к морю и миру. Воды реки, «разлившись насупротив города широким озером», в авторских описаниях величественны подобно морским: «... вздымаемые ветром, грозно зыблются, и на пенистых хребтах своих несут крылатые корабли и ладьи, а в гавани, как обширный обгорелый лес – высокие мачты, на которых развеваются разноцветные флаги». Еще одна значимая деталь приморского положения Архангельска – особая зеркальность двинских вод. Вместо речной ряби рассказчик видит гладкое зеркало водной поверхности. Прототип данной детали, как и ранее выделенных, – панегирические описания Петербурга, в которых российская столица имеет обыкновение удваиваться в водах Невы. Существенная поправка состоит в том, что Двина отражает не ансамбль зданий вдоль линии реки, а «все великолепие неба и земли», т. е. фактически олицетворяет собой природные стихии и семантически связанное с ним понятие простора. Архангельск приобретает образ места, прим-

кнувшего к морскому простору, свободе, и в то же время регламентированного представлениями о геометрически правильном европейском городе.

В этой живой антиномичности Архангельск противопоставлен монотонному болоту, подступающему к городу со спины и теснящему его к приморской зоне. Автор стремится воспроизвести ощущение внутреннего дискомфорта, подвергая хтонической персонификации непобежденную утробу вязкой топи, которая буквально и метафорически не терпит человека. Заметна нехватка природной материи, необходимой для существования пространства; место последнего занимает пустота: «К заднему фасаду города примыкает обширное болото, так называемое, чистый мох. Мелкие кустарники, которыми он по местам оброс, составляют всю его растительность. Здесь взор ваш, утомленный однообразием предмета, не находит для себя точки опоры: эта широкая степь оканчивается только горизонтом, и можно подумать, что в середине этого вязкого болота, от создания мира не бывала еще нога человеческая! Однообразный угрюмый вид болотистой степи навеивает на душу какую-то безотчетную грусть. Вглядишься пристальнее в эту ровную, широко раздвинувшуюся гладь: сколько грустных дум возродится в душе, сколько смутных, давно забытых воспоминаний воскреснет в душе твоей под унылый свист болотного ветра!» В без-человечной и до-человеческой унылой пустоте угадывается допетровское, докосмогоническое состояние мира – неопределенное Ничто («чистый мох»). Оно может быть структурировано, пересоздано только новым космократором, равным Петру.

Итак, приведенный Петром из небытия в бытие, отвоеванный у болота Архангельск повторил в своем литературном образе, созданном М.Ф. Истоминым, ключевые черты панегирического Петербурга – столичного города, символизировавшего власть человека над пространством. Амплифицируя литературные черты столичного Петрова града на Неве на нестоличный Петров град на Северной Двине, Истомин представил последний городом-вестибюлем, открытым для западных культурных инвестиций. В образе Ар-

хангельска, составленном Истоминным, отчетливо проявляется символический смысл географического порубежья, пограничности: окраинный город, он не имеет черт глубинных российских городов – захолустной провинциальной глубинки, географически не всегда, но всегда культурно отдаленной от блистательной столицы.

Это качество Архангельского города, «вопреки географическому положению вовсе не являющемуся периферией»¹³, спустя полстолетия развернуто воплотит в своих произведениях

знаменитый северянин Б. Шергин. В отечественной словесности середины XIX века истоминский Архангельск уникален, если рассматривать его в контексте провинциально-городской темы. В непровинциальности Архангельска, наделении его чертами столицы проглядывает осмысление автором-северянином особого положения родного города в концептуализации российской государственности, «морского (водолейского) и северного (гиперборейского) избраннычества и предназначения России»¹⁴.

Примечания

¹ Истомин М.Ф. Судьбы Архангельска // АГВ. 1847. № 15.

² Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика: пер. с нем. М.Н. Жаровой / под ред. К.А. Богданова. М., 2009. С. 53–54.

³ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избр. М., 1995. С. 261.

⁴ Истомин М.Ф. Очерки Архангельска и его окрестностей. Оттиск из № 34 «Архангельских губернских ведомостей» 1849 года. Архангельск, 1849.

⁵ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избр. статьи: в 3 т. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992. С. 13–14.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Истомин М.Ф. Указ. соч.

⁸ Лихачев Д.С. О русской природе // Избр. тр. по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 211–212.

⁹ Николози Р. Указ. соч. С. 107.

¹⁰ Там же. С. 159–171.

¹¹ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. URL: <http://lib.rus.ec/b/146636>.

¹² Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 21.

¹³ Галимова Е.Ш. Земля и небо Бориса Шергина. Архангельск, 2008. С. 83.

¹⁴ Терехихин Н.М. Север в пространстве русской культурной традиции // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2003. № 2 (4). С. 34.

Limerova Valentina Alexandrovna

Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Language, Literature and History

ARKHANGELSK IN THE WRITINGS OF M.F. ISTOMIN

The article considers the problem of incorporation of regional art of word into the literary understanding of the North, comprehension of "one's own place" and, in particular, Arkhangelsk on the geopoetic map of Russia. Identity of Arkhangelsk in the considered texts is achieved by carrying over of the main mythologems of St. Petersburg panegyric on its image.

Key words: *history of regional literature, Arkhangelsk, geopoetics, urban text, mythological productivity of a place, image-prototype.*

Контактная информация:
e-mail: juva64@yandex.ru

Рецензент – Галимова Е.Ш., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова